

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

ВАРИАНТНОСТЬ СЛОВА КАК ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

(На материале современного русского языка)

1. Необходимость углубленного изучения вариантных средств языка, в том числе вариантности на уровне слова, диктуется рядом обстоятельств, существенных и с точки зрения общей лингвистической теории слова, и в плане решения многих задач прикладного языкознания (лексикография, практика перевода и т. д.), и при рассмотрении природы языковой нормы¹. Само обращение к понятию «норма», собственно говоря, и возникает у говорящих при наличии параллельных способов выражения и необходимости выбора. Однако в плане теории информации, предусматривающей однозначное выражение системных значений и отношений между знаками, вариантность предстает как аномальное явление.

Связь одного означающего и одного означаемого при наличии вариантности оказывается замененной соотношением двух разных форм с одинаковым содержанием. Это приводит к избыточности формы, что, казалось бы, противоречит основному закону коммуникации, идет вразрез с тенденцией языка к бережливости (Пауль), с принципом экономии языковых средств (Поливанов, Мартине и др.). С точки зрения общественного мнения, склонного, как правило, к однозначному языковому стандарту, даже парадигматическая избыточность, т. е. избыточность в совокупности структурных, а не соположенных, линейных языковых единиц, рассматривается как несовершенство, как болезнь языка. Это в особенности относится к тем формальным модификациям, которые не нагружены ни информативно, ни функционально, что иногда наблюдается при варьировании. При историческом же и научно-нормализаторском подходе вариантность предстает как неизбежное следствие языковой эволюции, контакта языков и диалектов, воздействия многочисленных и разнохарактерных внутрисистемных факторов². Парадигматическая избыточность в этом случае трактуется и как важный резерв для более совершенного владения языком, и как необходимый этап перестройки элементов системы, который поддерживает преемственность речевых навыков и обеспечит в будущем более рациональный способ выражения. С точки зрения нормализаторской работы, направленной не только (и

¹ См. Ф. П. Филин, О слове и вариантах слова, сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963, стр. 128—133.

² В философском плане вариантность языковых средств может быть сближена с понятием «компромиссная структура», которое охватывает как старые, так и новые элементы (см. об этом: В. И. Свидерский, О диалектике элементов и структуры в объективном мире и познании, М., 1962, стр. 66).

не столько) к унификации языковой формы, вариантность — это вовсе не порождение неустойчивости языковых норм (скорее, наоборот, неустойчивость нормы — следствие варьирования), а одно из внутренних проявлений литературного языка, наделенного разнообразными культурно-историческими признаками, которые не укладываются в рамки строго регулярной системы и нуждаются в особой, часто индивидуальной, квалификации.

2. Обращаясь к вариантности на уровне слова (в пределах тождества слова), мы сталкиваемся с явлениями, изменяющими привычные представления о слове как единстве звучания и смысла. Характерная для варьирования слова модификация формы при сохранении тождества лексического значения вариантов обычно выражается или в виде нефонематического изменения звучания (например, произношение гласного *э* в безударной позиции после мягкого согласного: [в'э^нсна́] и [в'и^нсна́]), или в виде замены фонем в сильной позиции (например: *обуслбевливать* — *обусла́вливать*, *запря́чь* — *зап্রে́чь*, *матрас* — *матрац*), или в виде изменения места ударения (например: *творо́г* — *тврoг*, *инд́устрия* — *индустрия́*), или в виде комбинации указанных признаков (например: *издале́ка* — *издалека́*). Обычное представление о фонеме как о звуке, участвующем в различении звуковой оболочки значимых единиц языка (слов, словоформ), при фонематическом (и фономорфологическом) варьировании слова оказывается недействительным. В этом случае даже в сильных позициях гласные и согласные фонемы утрачивают фонологически значимые противопоставления, теряют смысло-различительные функции³. Ср. роль сильных фонем [э] и [о], [о] и [у], [а] и [э] в словах: *не́бо* и *не́бо*, *мо́л* и *му́л*, *мя́ч* и *ме́ч* и роль этих же фонем в вариантах слов: *бе-ле́сый* и *бе́лэ́сый*, *но́ль* и *ну́ль*, *зап́рячь* и *зап্রে́чь*; ср. роль фонем [т] и [д], [г] и [к], [ф] и [п] в словах: *то́к* и *до́к*, *го́ра* и *ко́ра*, *ти́ф* и *ти́п* — и роль этих же фонем в вариантах слов: *э́так* и *э́дак*, *га́лоша* и *ка́лоша*, *шка́ф* и *шка́п*.

Таким образом, те звуки, которые нормально связываются с различением звуковой оболочки значимых единиц (слов, словоформ), при варьировании слова могут приобретать нефонологический характер.

Аналогично обстоит дело и с местом ударения. Разноместность русского ударения считается важным фонологическим средством⁴. Изменение места ударения должно в принципе давать другое слово (или другую словоформу). Существует мнение, что в русском языке имеется большое число омографов (*а́тлас* — *атла́с*, *за́мок* — *замо́к*) и сравнительно незначительное количество акцентных вариантов⁵. По данным Ф. П. Сергеева, в словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1960), включающем около 52 тысяч слов, зафиксировано 560 слов, имеющих акцентные варианты, допустимые в пределах литературной нормы⁶.

Сомнения в правильности постановки вопроса о незначительном удельном весе акцентных вариантов и преобладании омографов были в общей

³ Фонемы, как известно, различают не смысл как таковой, а фонетические оболочки языковых единиц, различных в смысловом или грамматическом отношении.

⁴ См., например: А. Н. Гвоздев, О фонологических средствах русского языка, М.—Л., 1949, стр. 104—102; Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, стр. 69.

⁵ В брошюре Н. Н. Яковенко «Словесное ударение в современном русском литературном языке» (Киев, 1966) список омографов насчитывает 420 слов, в перечне же акцентных вариантов приведено лишь 195 слов.

⁶ Ф. П. Сергеев, О вариантах и колебаниях ударения в современном русском языке, Уч. зап. Кишиневск. гос. ун-та, 71 — Вопросы общего и русского языкознания, 1964.

форме высказаны Л. Р. Зиндером еще в 1960 г.⁷ Созданная в словарном секторе Института русского языка АН СССР картотека акцентных вариантов насчитывает более 3500 лексем⁸. Анализ картотеки показал, что акцентное варьирование распространяется главным образом на трехсложные и двусложные слова / т. е. на наиболее распространенные с точки зрения слоговой длины слова русского языка (средняя длина слова — 3,79 слога⁹, средняя длина акцентного варианта — 3,07 слога). Учитывалась слоговая длина фонетического слова, например, варианты *на́ берег* — *на бе́рег* считались за одно трехсложное слово. Полученная средняя длина акцентного варианта 3,07 должна быть несколько увеличена за счет невключенных производных слов (существительных на *-ость*). Существенно отметить, что подсчитаны были лишь сами лексемы, а не варианты пары, образующиеся при формообразовании. Реальное количество вариантов значительно превышает число слов, допускающих варьирование.

Предварительные подсчеты показывают, что количество фонетических, фонематических, фономорфологических, морфологических и особенно формообразовательных вариантов в современном русском языке также весьма значительно. Достаточно указать на продуктивную модель отглагольных имен на *-ни(е)*, относительно регулярно образующих фонетические варианты при редукции заударных слогов (*спасе́ние* — *спасе́нье*), или на произношение согласных в словах иноязычного происхождения (*прéсса* и *п[рэ]сса*), или на формообразовательные варианты типа: *стакан ча́я* — *стакан чаю*. Следует при этом учитывать, что реальное варьирование слова гораздо шире вариантности, отмечаемой словарями, и что варьирование нередко захватывает активную, широкоупотребительную лексику. Поэтому мнение относительно того, что «процент колебаний в общем составе русского литературного языка совсем невелик»¹⁰, едва ли может быть принято безусловно. Как правило, высокая частотность слова увеличивает потенциальные возможности варьирования. Это связано с действием различных социолингвистических факторов: увеличение числа говорящих (следовательно, возрастных и профессиональных различий), убыстрение фонетических преобразований в частотных словах, разнообразие контекстов и ассоциаций, создающих более широкую основу для аналогических влияний.

✓ Модификация формы при сохранении смысла, связанная с временной утратой отдельными звуками и местом ударения смыслоразличительных свойств, преобразование формальных признаков, существенных для выделения слова, в признаки второстепенные, дополнительные, изменение которых не ведет к потере качественной определенности слова, распространяется вовсе не на периферийные участки языка. Наряду с омонимией и полисемией, вариантность еще раз свидетельствует о том, что связь между единицами в плане выражения и единицами в плане содержания в живом языке является сложной, не всегда обнаруживающей прямолинейное соотношение.

⁷ Л. Р. З и н д е р, Общая фонетика, [Л.], 1960, стр. 303.

⁸ При подсчете не учитывались глаголы на *-ся* (*кру́жится* — *круж́ится*) и отвлеченные имена на *-ость* (*раздвёбенность* — *раздво́енность*), повторяющие акцентное варьирование производящих основ.

⁹ Число получено путем подсчета данных о распределении слов по количеству слогов («Обратный словарь русского языка», М., 1974, стр. 936—937). По другим данным, средняя длина слова — 2,9 слога («Русская разговорная речь», М., 1973, стр. 97). Естественно, что в русском (как и в других флективных языках) длина слова в словаре (лексиконе) и в потоке речи не совпадают.

¹⁰ Е. С. И с т р и н а, Нормы русского литературного языка и культура речи, М.—Л., 1948, стр. 17.

Существенно установить, какое лингвистическое значение имеют несовпадающие формальные признаки вариантов (различие в фонемном составе и в месте ударения) и каков порог утраты ими смысловых функций (последнее может способствовать установлению границы между вариантом слова и разными словами).

Лингвистическое значение звуковых модификаций и различия в месте ударения при варьировании слова не исчезает, а существенно преобразуется. В самой общей форме это новое значение может быть названо показателем отношения данного варианта к норме. Новая функция несовпадающих формальных признаков слова не является при этом постоянной величиной: отношение к норме подвержено изменениям в диахроническом плане. При равноценности вариантов эти формальные признаки могут связываться с выражением стилистических, сочетаемостных, позиционных или иных особенностей функционирования вариантов. Ярко выраженная коннотация слов (оценочная лексика, диминутивы и т. п.) часто заслоняет нормативную маркированность вариантов.

Естественно, что формальные различия вариантов одного и того же слова не являются безграничными. Сама необходимость узнавания слова предполагает некий предел, за которым различие в форме влечет за собой разрушение тождества языковых единиц (даже при сохранении идентичного содержания). Поиски предела тождества слова в интересующем нас плане обычно связываются с разграничением вариантов одного и того же слова и однокоренных синонимов, т. е. разных слов, также обладающих одинаковым значением и определенным формальным сходством. В целом для движения современной лингвистической мысли (ср. работы В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, О. С. Ахмановой, В. В. Веселитского, Ф. П. Филина, Р. П. Рогожниковой, Н. М. Шанского, В. А. Гречко, Н. Н. Семенюк, О. И. Москальской и др.) характерно постепенное сужение понятия «вариантность», в том числе и понятия «вариант слова». Показателен в этом отношении отказ некоторых исследователей от весьма неопределенного и противоречивого термина «словообразовательный вариант» слова. Впрочем, другие исследователи продолжают внедрять его в научный обиход.

Сложность и зыбкость самого материала, непоследовательность, лексикографической практики¹¹, различный методический подход к решению проблемы тождества слова создают серьезные препятствия для нахождения предела варьирования. Думается, что ни семантический (поиски оттенков смысла), ни стилистический, ни сочетаемостный критерии, ни их комбинации, ни предлагаемый для разграничения вариантов и синонимов учет других коннотативных свойств языковых единиц не дадут желаемого результата. Предел варьирования и сохранения тождества слова (при наличии идентичного лексического значения) может быть найден лишь в самой форме. Все другие признаки языковых единиц с одинаковым содержанием (стилистическое различие, особенности в сочетаемости и т. д.) факультативны и уже поэтому не могут являться классифицирующими.

Анализ общепризнанных, бесспорных фактов показал, что варьирование слова обычно осуществляется в определенных акцентологических и фонематических границах. Эти ограничения имеют объективный и необходимый характер, так как формальные различия языковых единиц, воспринимаемых в качестве одного слова, не могут быть слишком зна-

¹¹ См. об. этом: Т. В. Зайцева, Лексикографическая разработка структурно и семантически близких слов, сб. «Проблема толкования слова в филологических словарях», Рига, 1963.

чительными. Нарушение этих условий ведет к необратимым формальным изменениям и к разрушению тождества слова.

Акцентологическим ограничением варьирования слова (несмотря на относительную свободу и подвижность русского ударения и различную слоговую длину слова) служит интервал между ударениями у вариантов, не превышающий двух слогов. Типичным же для акцентных вариантов русского языка оказалось либо отсутствие слогового интервала (*ббух* — *оу́х*, *при́горшня* — *пригб́ршня*, *ма́нишь* — *манйшь*, *прб́жил* — *прожй́л*), либо интервал в один слог (*договб́р* — *дбговор*, *камба́л* — *ка́мбала*, *норми́ровать* — *нормй́ровать*, *августовский* — *августбвский*). Примечательно, что даже в шестисложных и семисложных словах, где теоретически допустим был бы и бо́льший интервал между ударением, в действительности оно смещается у вариантов, как правило, лишь на один слог (*рассредотб́чение* — *рассредоточё́ние*, *кинематогра́фия* — *кинематогр́афия*). Интервал в два слога встречается сравнительно редко: в косвенных падежах отдельных слов (*ве́домостей* — *ведомостёй*, *сковоро́д* — *скбвороду*) и при передвижении ударения в формах жен. рода у исконо или аналогически циркумфлексированных глаголов на двух-слоговую приставку (*пережи́л* — *пéрежила*). Таким образом, различие в месте ударения у вариантов слова не беспредельно; ограничение вызвано и средней слоговой длиной русского слова, и ритмической организацией русской речи, ставящей известные границы интервалам между соседними словесными ударениями в речевом такте. Это явление обусловлено физиолого-акустическими факторами и составляет необходимый про-содический признак не только стихотворной, но и прозаической речи¹². Акцентологическое ограничение варьирования слова (разрыв между ударениями у вариантов не более чем на два слога) является следствием необходимости сохранить общий акустический облик слова и не нарушать ритмический баланс русской речи.

Естественно, что необходимость опознания слова ставит известные ограничения различиям вариантов и в фонемном составе. Оказалось, что позиционно не обусловленные фонематические несовпадения обычно не превышают двух фонем (при условии, что одна из них гласная фонема)¹³. Типичным же для фонематических вариантов является различие в одной фонеме (*же́лчный* — *жё́лчный*, *обуслб́вливать* — *обусл́вливать*, *м́учить* — *муча́ть*, *строга́ть* — *струга́ть*, *матра́с* — *матра́ц*, *ме́рить* — *ме́рять*, *зверю́шка* — *зверу́шка*, *колбде́ц* — *колбдезь*). Различие в двух фонемах наблюдается значительно реже (*ла́зить* — *ла́зять*, *гололе́д* — *гололе́дь*). Более значительные несовпадения в фонемном составе встречаются у некоторых формообразовательных вариантов (*достиг* — *достигнул*, *накопля́ть* — *накаплива́ть*, *бегая* — *бегаючи*, *маслята* — *масленки*), где звуковые различия, во-первых, приходится на информативно менее значимый конец слова и, во-вторых, нейтрализуются грамматической регулярностью.

Ограничения различий в составе согласных фонем (обладающих, как известно, большей различительной силой) при варьировании слова ка-

¹² См. об этом: Н. В. Черемисина, О некоторых ритмико-интонационных и синтаксических особенностях прозаической речи в современных восточнославянских языках, «Славянский филологический сборник», Уфа, 1962; Г. Н. Иванова-Пукьянова, О ритме прозы, сб. «Развитие фонетики современного русского языка», М., 1971, стр. 147.

¹³ Случаи количественной и качественной редукции в безударных слогах и другие позиционно обусловленные преобразования, при которых в беглой речи могут наблюдаться и более значительные звуковые расхождения (например, *здрас'тэ* [здрас'т], *сейчас* [ш'ас]), здесь не рассматриваются. Это явление относится к фонетическому, а не к фонематическому варьированию слова.

саются не только количества несовпадающих звуков, но и их качества. У фонематических вариантов, как правило, наблюдается позиционно не обусловленная мена артикуляционно близких согласных фонем, т. е. тех, у которых при совпадении большей части дифференциальных признаков имеется различие лишь в одной характеристике. Например, различие по звонкости — глухости (*этак* — *эдак*, *ляскать* — *лязгать*, *фелюга* — *фелюка*); различие по твердости — мягкости (*кизил* — *кизиль*, *фланец* — *флянец*, *кринка* — *крынка*); различие в способе образования (*апоплексический* — *апоплектический*, *калиф* — *халиф*, *кёрка* — *кёрха*, *амбра* — *амбра*, *колодец* — *колодезь*), различие в месте образования (*штора* — *стора*, *услышать* — *услыхать*). Число фонематических вариантов, в которых несовпадающие фонемы различались бы одновременно и по способу и по месту образования, ничтожно мало (*киник* — *цинник*, *кентавр* — *центавр*). Вариантность здесь поддерживается историко-культурной традицией, ориентацией на греческую историю и мифологию¹⁴.

✓ Акцентологические и фонематические ограничения, обеспечивая известную близость формы сопоставляемых языковых единиц и возможность узнавания слова, не всегда, однако, служат гарантией правильности при установлении тождества слова. Так, например, если совпадающие в значениях языковые единицы *промывание* (руды) и *промывка* (руды) уже с точки зрения фонематического ограничения являются разными словами (различие больше, чем в двух фонемах), то этого нельзя сказать о паре *промывка* — *промыв* (различие в двух фонемах допустимо при варьировании слова). Однако *промывка* и *промыв* — это разные слова и с точки зрения здравого смысла и, что важнее, в структурно-словообразовательном плане. Эти однокоренные языковые единицы образованы разными способами: суффиксальным (*промывка*) и безаффиксным (*промыв*). Различие в способе словообразования и в наборе словообразовательных морфем может, как это уже подсказывается термином «словообразование», касаться только разных слов, а не вариантов одного и того же слова¹⁵. Все это, естественно, требует установления морфологического предела варьирования слова.

✓ Морфологическим пределом варьирования слова служит тождество морфологической структуры и морфемного состава сопоставляемых языковых единиц. Строгое следование принципу тождества морфологической структуры, хотя и наталкивается на ряд сложностей, вызванных историческими преобразованиями основы, служит единственным способом ограничить слово в его вариантах от однокоренных синонимов с тождественным значением. Проведение этого принципа требует диахронического подхода, результаты которого далеко не всегда совпадают с формализованным анализом структуры слова, принятым в некоторых современных работах.

✓ Тождество морфологической структуры предполагает полное совпадение значимых морфем у каждого из вариантов слова: корня и словообразовательных аффиксов. Формальное различие заключается лишь в звуковом преобразовании именно данных морфем внутри данного слова. Всякая же замена одной морфемы на другую (даже генетически родственную), а также перестановка морфем (ср. *блюдолиз* — *лизоблюд*) ведет

¹⁴ См.: Е. Э. Биржак ова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина, Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века, Л., 1972, стр. 204. Приведенный в этой книге богатый материал варьирования слов в языке XVIII в. показывает, что хотя в то время имелся больший простор для звуковых различий вариантов, все же на основную массу распространялось указанное фонематическое ограничение. Особенности фонематического варьирования слов в говорах представляют собой особый вопрос.

¹⁵ См. об этом: Ф. П. Филин, указ. соч., стр. 132—133.

к распаду тождества слова, образованию разных слов. Звуковое преобразование корня или аффикса, как известно, может быть вызвано разными фонетическими причинами: возникновением гласных перед плавными, историческим чередованием гласных, упрощением групп согласных, отвердением звуков, появлением протетических и неорганических звуков и т. д. С этой точки зрения звуковые единицы: *бобр* и *бобёр*, *промысл* и *промысел*, *лягушáчий* и *лягúшечий*, *обёртка* и *обвёртка*, *разноимённый* и *разноимённый*, *осьминог* и *восьминог*, *умный* и *вумный*, *поднимать* и *подымать* являются фонематическими вариантами одного слова.

Соблюдая принцип морфологического тождества и отвергая понятие «словообразовательные варианты» слова, мы должны будем отнести к разным словам весьма сходные в звуковом отношении образования, где различие в словообразовательном аффиксе не обусловлено фонетическими причинами. Например: *волчи́ха* и *волчи́ца*, *табу́рет* и *табу́ретка*, *носа́тый* и *носа́стый*, *писка́вый* и *писка́вый*, *бы́чий* и *быча́чий*, *двухбо́ртный* и *двубо́ртный*, *нормализова́ть* и *нормализиро́вать*, *напроказа́ть* и *напроказнича́ть*, *хваста́ться* и *хваста́ть* и т. п. Иными словами, всякое внедрение нового словообразовательного аффикса (например, интерфиксация: *исполко́мский* — *исполко́мовский*, *интури́стский* — *интури́стовский*) создает разные слова.

Принцип тождества морфологической структуры, значительно сужающий границы изучаемого объекта, предполагает учет особенностей конкретной языковой единицы, т. е. формальный, а не формализованный анализ слова. Однако есть немало случаев, когда трудно решить, произошло ли звуковое изменение уже внутри данной языковой единицы (тогда это варианты) или данные языковые единицы образовались с помощью разных (хотя и генетически родственных) аффиксов (тогда это разные слова). Примерами могут служить образования типа: *созыва́ть* — *сзыва́ть*, *воскли́кнуть* — *вскли́кнуть*, *всходи́ть* — *восходи́ть* и типа: *уче́ние* — *уче́нье*, *спаса́ние* — *спасе́нье*, *муче́ние* — *муче́нье*. Различия внутри этих пар могут быть истолкованы и как следствие редукции безударного гласного в самом слове, и как отражение церковнославянского и исконно русского параллелизма в области приставок и суффиксов (*вос-* — *вс-*, *-ние* — *-нье*). В этих и подобных случаях, когда определить природу конкретных звуковых преобразований лингвистически затруднительно, неизбежен формализованный подход. Учитывая неравноценную лексическую значимость префиксов и суффиксов (префиксы более самостоятельны и лексичны, на них нередко приходится центр смысловой тяжести слова), а также информативно-узнавательную роль начала, а не конца слова, следует признать звуковую модификацию суффикса (*спасе́ние* — *спасе́нье*) пределом варьирования слова¹⁶.

При разграничении вариантов одного слова и разных слов нельзя, естественно, опираться исключительно на современные орфографические написания, за которыми могут скрываться и различные словообразовательные аффиксы, и фонетические модификации одного аффикса. Так, например, учитывая характерную для разговорной речи возможность качественной редукции фонем [y] и [ы] в слабой позиции¹⁷, диминутивы типа *дбнушко* — *дбнышко*, *сблнушко* — *сблнышко*, *ворббушек* — *ворббышек* и т. п. можно истолковать как фонетические варианты одного слова (с последующим орфографическим закреплением особенностей произношения

¹⁶ Отнесение на основании этого принципа образований типа *воскли́кнуть* — *вскли́кнуть*, *созыва́ть* — *сзыва́ть* к разным словам, а *спаса́ние* — *спасе́нье* — к вариантам одного слова хорошо согласуется с технологией современной лексикографии.

¹⁷ См.: «Русская разговорная речь», стр. 61—62.

заударного гласного), а не как самостоятельные, независимо друг от друга образованные разные слова с разными аффиксами.

Установление условного предела варьирования слова следует считать мерой исключительной и вынужденной. В целом же, несмотря на значительную распространенность, вариантность слова как явление во многих случаях уникальное и исторически подвижное требует конкретного анализа и индивидуальной оценки сопоставляемых языковых единиц.

3. При изучении вариантности слова встает ряд других теоретических вопросов: в каком отношении находится вариантность слова к языку и речи; существует ли применительно к вариантам слова понятие «инвариант»; к компетенции какого раздела языкознания (фонетики, лексикологии, грамматики) принадлежит исследование вариантности слова?

Вариантность слова — феномен языка, а не речи. Это подтверждается характером избыточности формы (парадигматическая, а не синтагматическая), исторической (а не контекстуальной) обусловленностью появления и существования вариантов, наличием системных отношений между ними. Вариантность слова опирается на общезыковые закономерности и требует нормативной квалификации с общезыковых позиций, а не с ситуативно-речевых. Теоретически рассуждая, в речи отдельного говорящего может и не быть вариантов (один, скажем, всегда говорит *творю*, другой всегда — *творю*). Возникающая вариантность в речи отдельного говорящего (как и в рамках отдельного произведения) есть следствие вариантности, заложенной в парадигматической системе языка. Вариантность слова наблюдается в речи, но не является ее внутренним свойством. Варианты слова не порождаются контекстом (факты намеренной «порчи» слов в шутливой речи не принимаются во внимание), хотя выбор варианта может определяться характером контекста.

Сказанное ставит под сомнение применение понятия «инвариант» к варьированию на уровне слова. Инвариант как абстрактный элемент системы, мыслимый независимо от реализации, находит свое оправдание в фонологии и синтаксисе [ср., например, выражение предикативности твор. и им. падежами независимо от лексического наполнения: *он был учителем (пианистом, акробатом и т. д.)*, *она была учительница (пианистка, акробатка и т. д.)*]. Употребление терминов современной лингвистики «аллофон» и «алломорф» для обозначения разных репрезентантов одной и той же фонемы или морфемы опирается обычно на строгие закономерности позиционных условий, чего нет при реализации вариантов слова. Применительно к уровню лексики, исторически обусловленной и содержательно наполненной категории, понятие «инвариант» выглядит надуманным.

Варьирование слова осуществляется в нескольких формах: фонетические варианты ([тэ]рмин и термин), фонематические (*сосредотачивать* и *сосредотачивать*), акцентные (*пéтля* и *петля*), фоморфологические (*клавиш* и *клавиша*)¹⁸, морфологические (*авеню*, ср. и жен.), формообразовательные (*дверьми* и *дверьмй*), синтаксические (*полный воды* и *водой*). Эти формы варьирования неравноценны по продуктивности и продолжительности существования, по степени преобразования полных вариантов в неполные, со стороны регулярности и по отношению к норме литературного языка. Последние два признака (регулярность и отношение к норме) особенно существенны при определении места изучения вариантности слова: лексикология или грамматика? Известная формула: грамматика изучает общие факты языка, лексикология — единичные, имеет лишь са-

¹⁸ Колебания в роде заимствований (*рельс* — *рельса*, *санаторий* — *санатория*) признаются фактами варьирования слова даже теми исследователями, которые защищают словообразовательную природу грамматического рода (см.: Н. А. Ш а м и н а, Явления родовой синонимии в русском языке. АҚД, Казань, 1971, стр. 7, 8 и сл.).

мое общее значение, так как словарь и грамматика постоянно взаимодействуют и перекрывают друг друга. При обращении к фактам вариантности слова это становится особенно очевидным. Едва ли можно согласиться с некоторыми прямолинейными суждениями, например, отнесением фактов варьирования слова во всех формах к лексикологии, а к грамматике — варьирования в одной или нескольких словоформах. Дело в том, что даже варьирование в словоформах часто наблюдается в непродуктивных группах, а иногда — только у отдельных лексем.

Вообще мнение о регулярном характере отдельных форм варьирования слова представляется несколько преувеличенным. Суждения о степени регулярности языковых явлений нередко находятся в обратно пропорциональной зависимости от количества и качества исследуемого материала. Лексикализованный характер имеют не только акцентные, фонематические и фономорфологические варианты. Значительные перебои регулярности свойственны и другим формам варьирования слова. Известно, что тенденции языкового развития неравномерно охватывают даже однородные разряды слов: здесь сказываются и малозаметные формальные различия, и содержательные (социальные, культурные, исторические) признаки индивидуального слова.

Лексикализованность варьирования слов становится еще более отчетливой при рассмотрении вариантов в их отношении к норме. Например: *критерий* и *кри[тэ]рий*, но обычно *текст*; *побелённый* и *побеленный*, но только *убелённый*; *гбды* и *годá*, но только *века́*; *апельсинов* и *апельсин*, но только *бананов*¹⁹. Даже однотипное синтаксическое варьирование на уровне разных слов (например, *контроль за чем*, *над чем* и *чего* — *наблюдение за чем*, *над чем* и *чего*) обнаруживает существенное расхождение в распределении функциональных особенностей и нормативной оценки. Лексикализация наблюдается даже у формообразовательных вариантов на *-а/-у* у существительных муж. рода в род. пад. ед. числа. Ср. в современном языке: *кружка квасу* и *кваса*, но *стакан лимонада* и реже: *лимонаду*²⁰. Часто не только значение и происхождение слова, но и сама форма препятствует формализации. Так, длина слова (количество слогов) оказывается весьма существенным признаком при нормативной квалификации акцентных вариантов. Место ударения у глаголов и причастий нередко зависит от длины приставки: двусложные приставки чаще, чем односложные, перетягивают ударение на корень. Судя по материалам современной речи, чаще наблюдается *подобрáла*, чем *убрáла* (норма — *убралá*); говорят: *подня́лся* и *поднялсá*, но обычно: *приподня́лся*; норма — *уценён*, но допустимо: *переоценён* и *переоцёнен*. Ср.: Трепет детских сказок уценен. Зыбкий курс судьбы переоценен. Сколько полустершихся имен Добрело до выдуманных целей? (С. Поликарпов, Солнцепек как уголь раскален). Действительно регулярное варьирование обнаруживается лишь у таких формообразовательных вариантов, как: *весной* — *весною*, *сильней* — *сильнее*.

Таким образом, вариантность слова представляет собой сложный узел взаимодействия лексики и грамматики, частного и общего. При нормативном подходе к вариантам слова соотношение частного и общего обычно смещается в сторону частного, лексического. Нормативная оценка вари-

¹⁹ Анкетирование, проведенное в ЛГУ (1974 г.), показало, что большинство студентов предпочитают ударение *газопровѣд* (не *газопрѣвод*), но свободно допускают *нефтепрѣвод* и *нефтепрѣвѣд*.

²⁰ Лексикализация подобного рода отмечается и в работах по социолингвистике: «... вариант *сыру* употребляет примерно половина всех обследованных лиц, а форму *пиримидону* всего лишь 3%» (Л. П. Крыс и н, К социальным различиям в использовании языковых вариантов, ВЯ, 1973, 3, стр. 43).

антов слова в значительной мере связана с лексикализацией грамматического. Это и естественно, так как нормативная практика не сводится к унификации языка.

Слово (а, следовательно, и варианты слова) характеризуется отнесенностью к разным областям языка (фонетике, морфологии, синтаксису). Но эта отнесенность не может быть причиной распределения и растворения объекта среди различных разделов науки о языке. Варианты слова, несмотря на их лексико-грамматическую природу, продолжают оставаться номинативными единицами языка, явление же вариантности слова относится к уровню нормы, а не к уровню системы. Даже при самой широкой распространённости вариантность слова — это не общее правило, а временное (хотя и неизбежное) исключение, феномен языка. «Все наши грамматики, — замечал Л. В. Щерба, — настолько переполнены словарными материалами, что многим кажется, будто исключения и являются специально предметом грамматики. Между тем, сущность грамматики состоит только в общих правилах, все же исключения относятся к лексике»²¹. Поэтому варианты слова (за исключением некоторых форм фонетического и формообразовательного варьирования) являются в первую очередь объектом лексикологии и нормативной лексикографии, что, естественно, не исключает, а предполагает учет общих грамматических свойств отдельных разрядов лексики²². К компетенции грамматики принадлежат грамматические варианты, сущность которых состоит в совпадении грамматического значения безотносительно лексического содержания языковой единицы. «У грамматических же вариантов сходное значение никак не соотносится с действительностью — миром вещей, признаков, действий, состояний и т. д.». «В качестве члена грамматической вариантной пары выступают многочисленные и лексически разные единицы, соединенные по единой грамматической модели. С этой точки зрения *обучалось сто человек* это тот же грамматический вариант, что *бастовало тысяча докеров*»²³.

²¹ Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе, в его кн. «Языковая система и речевая деятельность», Л., 1974, стр. 331—332.

²² Категория вариантности была провозглашена основным объектом нового, пока еще, правда, не оформившегося, раздела языкознания — ортологии, т. е. науки о правильности речи [О. С. Ахманова, В. Ф. Беляев, В. В. Веселитский, Об основных понятиях «нормы речи» (ортология), ФН, 1965, 4]. С точки зрения расширяющейся научной нормализаторской работы это предложение не лишено оснований.

²³ Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская, Грамматические варианты. Опыт частотного словаря, М., 1971, стр. 24—25.